

Фольклор, постфольклор и ритуал как социокультурный барометр

УДК 393

DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-114-129

«Это был (не)правильный обычай»:
ритуал поднятия левой руки
в танатологическом дискурсе черкесов диаспоры

Мадина М. Паштова

*Университет Эрджиес, Кайсери, Турция,
mazako71@gmail.com*

Аннотация. Обычай поднятия левой руки до недавнего времени сохранялся в танатологических практиках одной из черкесских диаспорных общин Турции (Узун-Яйла – Кайсери). Согласно стереотипным нарративным описаниям ритуала, один из группы прибывших на похороны медленно выступает вперед, с левой ноги делая три шага, и медленно поднимает левое запястье до уровня подбородка, виска или макушки. Высотой подъема руки соболезнующий публично выражает признание социального статуса покойного. Как утверждают информанты, в конце 1980-х гг. обычай был искоренен под давлением исламского духовенства. Противники его отмены воспринимали этот обычай как священный, «привезенный с родины предков», завещанный Жабаги Казаного (фольклорный и исторический герой, народный философ-гуманист и реформатор XVIII в.).

Идея по «возрождению» ритуала была инициирована в период пандемии, когда были запрещены массовые собрания и физическое контактирование (рукопожатия и объятия, принятые в обычных похоронных практиках). В частности, в связи с днем памяти жертв Кавказской войны (отмечается черкесской общественностью ежегодно 21 мая) было предложено провести онлайн-акцию размещения фотографий с поднятой левой рукой.

В работе на материале текстов классического фольклора (преданий, сказаний, притч) и меморатов, записанных автором в условиях полевой работы, а также интернет-публикаций анализируются явные и скрытые стратегии актуализации ритуала поднятия левой руки как

«своего», «исконного» и «незаслуженно забытого». Задача исследования – показать, каким образом носителями традиции воспроизводятся (вербально и визуально) устойчивые и изменчивые структуры нарратива/ритуала под влиянием тех или иных идеологических доминант.

Ключевые слова: черкесы, диаспора, Узун-Яйла, ритуал, право, лево, жест, погребение, рука

Для цитирования: Паштова М.М. «Это был (не)правильный обычай»: ритуал поднятия левой руки в танатологическом дискурсе черкесов диаспоры // Фольклор: структура, типология, семиотика. 2022. Т. 5. № 3. С. 114–129. DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-114-129

“It was (not) the right custom”.
The ritual of left hand raising
in the thanatological discourse
of the Circassians diaspora

Madina M. Pashtova

Erciyes University, Kayseri, Turkey, mazako71@gmail.com

Abstract. The custom of raising the left hand has been preserved until recently in the thanatological practices of one of the Circassian diaspora communities in Turkey (Uzunyayla – Kayseri). According to the stereotypical narrative descriptions of the ritual, one of the groups arriving at the funeral slowly steps forward, taking three steps from the left foot, and slowly raises the left wrist to the level of the chin, temple, or crown. By raising his hand, the condolent publicly expresses the recognition of the social status of the deceased. According to informants, in the late 1980s, the custom was eradicated under the pressure from the Islamic clergy. Those who opposed its cessation understood this custom as a sacred one ‘brought from the ancestral homeland’ and bequeathed by Zhabagi Kazanoko (the folkloric and historical hero, philosopher, humanist and reformer of the 18th century).

The idea of “reviving” the ritual was initiated during the pandemic, when mass gatherings and physical contacts (handshakes and embraces, which are common in ordinary funeral practices) were prohibited. In particular, in relation to the Day of Remembrance of the Victims of the Caucasian War (celebrated by the Circassian community annually on May 21), it was proposed to hold an online campaign for posting photos with a raised left hand.

The explicit and hidden strategies of actualizing the ritual of raising the left hand as “our own”, “the primordial” and “undeservedly forgotten

one' are analyzed in this work on the material of the texts of classical folklore (heroic legends) and memoranda recorded by the author during fieldwork, as well as posts on the social media. The main aim of the research is to show how the bearers of the tradition reproduce (verbally and visually) the stable and changeable structures of a narrative / a ritual under the influence of certain ideological dominants.

Keywords: Circassians, diaspora, Uzunyayla, ritual, right, left, gesture, burial, hand

For citation: Pashtova, M.M. (2022), " 'It was (not) the right custom'. The ritual of left hand raising in the thanatological discourse of the Circassians diaspora", *Folklore: Structure, Typology, Semiotics*, vol. 5, no. 3, pp. 114–129, DOI: 10.28995/2658-5294-2022-5-3-114-129

Черкесы (адыги) – автохтонный народ Северо-Западного Кавказа, со второй половины XIX в. в результате окончания Кавказской войны дисперсно расселен в десятках стран мира, преимущественно на территории бывшей Османской империи, в современной Турции. Исследуемая нами традиция – анклав под названием Узун-Яйла – состоит из 70 черкесских селений, расположенных близ города Кайсери, в Центральной Анатолии. В статье на основе стереотипных устных текстов рассматривается трансформация представлений об одном из местных похоронных ритуалов. Это в основном три жанрово-типологические разновидности: этиологические предания о происхождении обычая поднятия левой руки *1э сэмэгу 1эт* (или *жэназы 1э 1эт*); мемораты – рассказы-воспоминания о событиях 1960–1980-х гг., описывающие формы исполнения ритуала, причины и условия его искоренения; краткие тексты-высказывания, реплики, выражающие рефлексию информанта, основанную на личном опыте, и связанные с общим или локальным контекстом народной культуры. Материалы исследования собраны в ходе фольклорно-этнографических экспедиций, проведенных нами в 2009, 2011, 2014 и 2015 гг. в Узун-Яйле и Кайсери. Вопрос о «существовавших некогда и утраченных ныне обычаях» входил в наш узун-яйлинский вопросник как один из основных, и большинство наших информантов, в особенности мужчины преклонного возраста, упоминали названный ритуал. Так, для настоящей статьи нами использованы данные от 23 информантов, самому старшему из которых было 97 лет на момент записи (2014), самому младшему – 50 лет (2020); в числе информантов две женщины в возрасте 75 лет (2014) и 64 лет (2009). Нами также использованы материалы, полученные из медиаисточников (социальные сети, СМИ) путем опроса, выборки публикаций по теме и комментариев к ним.

Согласно нарративным описаниям ритуала поднятия левой руки, бытующим в исследуемой нами локальной диаспорной традиции, после предания тела земле и возвращения с кладбища один из группы прибывших на похороны (обычно это «старший» в социальном смысле человек) медленно выступает вперед, с левой ноги делая три шага, и медленно же поднимает левую руку, потом опускает ее и слегка касается бедра. Затем так же молча и не спеша, пятась, возвращается на свое место в ряду. Этого, как утверждают наши информанты, достаточно для того, чтобы выразить соболезнование «по хабзэ»¹.

Историческое происхождение ритуала, его бытование в культуре локальных (субэтнических) групп черкесов и других народов Северного Кавказа требует дополнительных разысканий. Имеющиеся у нас на сегодня этиологические предания, возвращающие к фольклорной версии возникновения обычая поднятия левой руки, связывают его с именем народного философа-гуманиста XVIII в. Жабаги Казаного, инициатора ряда социально-правовых реформ периода феодальной Кабарды. По одному из вариантов Жабаги клянется, что убьет того, кто сообщит ему о смерти сына. Некто берет на себя эту обязанность и молча, знаками сообщает Жабаги о несчастье: спешивается справа, то есть не как обычно – слева, а «наоборот», опускаясь на землю левой ногой, держа поводья в правой руке, обходит коня спереди и становится слева от него, высоко поднимает левую руку. Жабаги, «прочитав» это бессловесное сообщение, решил ввести это в хабзэ как «обычай горевестников» (РТ).

В других вариантах в роли горевестника выступает как сам Жабаги, так и некий юноша, который перед лицом общины берет на себя миссию бессловесного, молчаливого сообщения князю о смерти его сына (вар.: любимого коня). Непривычные жесты и действия, впервые совершенные героем с этой целью, решено было, как сообщает предание, «ввести в обычай» (АШ, МС). Ритуализованное молчание, высокая символичность кинетики – оппозиции «лево-право», «верх-низ», медлительность, «вынужденность» совершаемых действий – вот общие семантические элементы нарративных описаний.

¹ *Адыгэ хабзэ* (букв. «адыгский обычай») – неписанный свод правил черкесов, своеобразный морально-правовой кодекс, один из ключевых элементов этнокультурной идентичности. Слово *хабзэ* обладает рядом значений и понимается в том числе как обычай, ритуал, закон. Знание *хабзэ* и следование ему является одним из важных социальных навыков и нравственных свойств, т. е. человека могли оценивать и поныне оценивают как того, «в ком есть хабзэ» или «в ком нет хабзэ».

Иг'ы, «си к'уэр хэт л'ауэ к'ызжиЛэми, и щх'эр пызупщ'ынус!» жери ар жылэм яхиг'эЛуа Лыжым, пщыжым. Абы и к'уэр ук'ла х'уас, щ'лак'уэк'лапэм зэдытеувэри зэрыупщ'атэурэ, абы и к'уэр л'а х'уас. Иг'ы, ар жезыЛын ямыг'уэт х'уас жылэм – хэт жриЛэми, и щх'эр пиупщ'ынус.

Иг'ы зы уэрк'э щ'алэ к'яхэк'лас, и л'эпк'ыр Х'эг'ундокуэс. К'яхэк'Ири:

– Уэлеи, жылэ, фэ сыровищх'эузых'у сэ фхужес'Лэnumэ мы х'ыбарыр ядэм.

– Уэлеи, мыр т'щх'эщыпх'тэмэ, Луэхутх'эбзэщ'Лэшх'уэ к'ытх'у-эпщ'ла х'унтэм! – жари...

Шэсс аби... Пщыжыр и л'як'уэ тедзау х'эщ'Лэщ бжэ'лупэм Луэст. Жыжэу епсыхс ишми... Пхэнжу епсыхас шым, шэсырабг'уым-к'Лэ епсыхалым, шы ж'эбг'уымк'Лэ к'ыщ'Лэк'Лс, шх'уэмлак'Лэр к'Лэщ'Лу нубыдс аби, и Лэр моуэ к'ылэтри [ег'эл'яг'уэ. – П. М.], и щх'эм трил'х'эс аби, хуэ-э-мурэ ирих'эхри и куэм т'Лэбэжас.

Мыбы л'Оу к'ык'Л'ыр? – «Луауэ к'ытщых'уас уи гуауэр» жи'Лу к'юк'Л'ыр. «Мыр псоми ди щх'эм ил'эс» жи'Лу к'юк'Л'ыр. Ар Лыж' губзыг'э мо пщыжым <к'ыгурыЛуэ> ... к'ыг'базэрэ к'ы-щ'ы'Лук'Лыжым,

– К'евг'эг'базэ а щ'алэм! – жери к'ырг'эг'базэри...

– Уэлеи, к'ызгурыЛуам, т'Лэсэ, уэ ук'ыщ'Лэк'Луар, – жиЛас, – ауэ уэрх'уэду хабзэк'Лэ к'ызбг'эдых'уэ к'ызжезэЛэм и щх'эр пызупщ'ыну жыс'Лалым сэ. Уэлеи, «уи к'уэр яук'Лам!» к'ызжеп'Лэ-уэ щытам, уэри уи щх'эр к'Луатэм, – жиЛас, – уи щх'эр пызупщ'Лэ-тэм! Ау мы хабзэр хуабж'у хабзэ дэг'уэу к'ебг'эг'ж'эас, л'Эныг'эм дежым уи Лэр к'эп'Лэтыуэ «уи гуауэр гуауэ т'щых'уас, уи лаж'эр лаж'э т'щых'уас» жиЛэу и куэм т'Лэбэжу... мыр хабзэу диЛын хуейс, – жиЛас абдей (АШ).

Иги², сказав: «того, кто скажет мне, что мой сын мертв, лишу головы», всю округу оповестил старик, старый князь. Его сын оказался убит, встали на края бурки³ и резали друг друга кинжалами, его сын оказался мертв. Иги, в народе не находится человека, который мог бы сообщить это, – кто скажет, тому голову отсечет.

Иги, нашелся среди них один юноша-уорк⁴, из рода Хагундоко. Вышел:

² Иги (иг'ы, лит. иджы – букв. «теперь») – в данном случае не несущее смысл слово, используемое для связи.

³ Встать на края бурки (*щ'лак'уэ к'лапэ зэдытеувэн*) – фразеологизм со значением «выйти на поединок».

⁴ Уорк (*уэрк'э*) – рыцарь благородного происхождения.

– Уалеи⁵, народ, да принесут меня вам в жертву, ради вас я сообщу эту новость отцу.

– Уалеи, если бы ты освободил нас от этой <ноши>, ты бы оказал нам большую услугу! – сказали.

Сел на коня и <отправился>... Старый князь сидел у дверей кунацкой, вытянув ноги. Спешился <юноша> со своего коня вдалеке... Неправильно спешился, не с той стороны, с которой положено спешиваться, прошел под подбородком коня, захватил тугу поводья, руку вот так поднял (показывает. – М. П.), положил на голову, ме-е-едленно опустил и притронулся к бедру.

Что это означает? – это означает, что он говорит «твое горе – наше горе». Это означает «всех нас касается». И это тот старый умный князь <понял>... Когда он повернулся и отошел:

– Верните этого юношу! – сказав, велел вернуть его...

– Уалеи, я понял, дорогой, зачем ты пришел, – сказал, – но я не говорил, что лишу головы того, кто вот так подойдет ко мне и по хабзэ <достойно> сообщит <горестную весть>. Уалеи, если бы ты сказал «твоего сына убили!», твоя голова тоже слетела бы! Но ты этот обычай как очень хороший придумал. В случае смерти поднять руку и опустить ее, коснувшись бедра, <говоря как бы> «твое горе стало нашим горем, твое несчастье стало нашим несчастьем», – это должно стать нашим обычаем, – сказал он тогда (перевод наш. – М. П.).

На исторической территории (в метрополии) обычай упоминается как некогда существовавший (например, у чемгуйцев или абадзехов – до начала 1980-х гг.) и как таковой сегодня уже почти не осознается. В сообщениях наших коллег, которые имеются на сегодня в нашем распоряжении, нет каких-либо указаний на расхождение социально-иерархического порядка в деталях исполнения ритуала.

Вот что пишет по материалам экспедиции 1929 г. в Черкесии Симон Джанашиа: «Здесь (бжедугский аул Тлюстенхабль. – М. П.) соболезнают так: несколько человек (двое или трое, во всяком случае, не один) входят во двор. Заранее предупрежденные родственники покойника (только мужчины) выходят из дому. Пришедшие и встречающие выстраиваются друг против друга. Пришедшие наполовину поднимают вверх левую руку, притом вполголоса выражают сочувствие. Встречающие тоже отвечают поднятием руки. Соболезнающие могут или уйти, или войти в дом, где в продолжение некоторого времени тихо сидят. Потом начинают беседовать о покойнике» [Джанашиа 2007, с. 99].

⁵ Уалеи (*уэлеи, уэлэхь*) – клятва именем Аллаха.

Контекст узун-яйлинских записей объясняет скрытый смысл неодинакового уровня поднятия руки. Высотой подъема руки соболезнающий публично выражает признание социально-общественного статуса покойника. Этот статус определяется через специфическое понимание степени тяжести утраты – *хъэдэм и уэн-дэгъуагъыр* (букв. «тяжесть покойника») и маркируется, в свою очередь, следующим образом: 1) *унэ хъэдэ* – покойник [одного] дома (запястье поднимается до уровня подбородка); 2) *къуажэ хъэдэ* – покойник [целого] селения (запястье поднимается до уровня виска); 3) *жылэ хъэдэ* – покойник [всей] округи (запястье поднимается до уровня макушки) (РТ). Наши информанты расходятся во мнении относительно причин, по которым рука поднимается неодинаково в тех или иных случаях. Высота поднятия руки может связываться, с одной стороны, с унаследованным сословным статусом, с другой – с общественными заслугами человека вне зависимости от его социального происхождения (ХК).

Ритуал, как мы видим из всех источников, исполнялся исключительно мужчинами, независимо от гендерного статуса покойного. Женщина, в особенности уважаемая и известная, почиталась этим обычаем так же, как и мужчина. Например, нами был записан рассказ-воспоминание о том, как большая группа кабардинских всадников из разных селений Узун-Яйлы церемониально почтила память старой хатукайской женщины, самой последней из поколения изгнанников, переселившихся с родины в Узун-Яйлу. Они молча въехали во двор, выстроились в ряд, опустили головы и свесили левую руку так, что плетка касалась земли. Простояв в этой позе некоторое время, спешили и так же молча продолжили обрядный ритуал соболезнавания (МЧ).

Как видим, фольклорно-этнографические материалы, относящиеся к исследуемому ритуалу, содержат несколько символических доминант: «левое» как похоронно-ритуальный маркер, «высота» (поднятия руки) как форма признания статуса покойного, а также «мужское» и др. Основная доминанта образует само терминологическое сочетание, которым обозначается ритуал – *1э сэмэгу 1эт* ‘левой руки поднятие’. Говоря об изоморфности оппозиций «жизнь/смерть» и «правое/левое», О.А. Седакова отмечает, что «типологические параллели к сближению левое-смерть поистине необозримы» [Седакова 2004, с. 36, в примеч.]. В контексте сопоставления символики правого и левого в ритуале А.К. Байбурун и А.Л. Топорков также пишут: «В ритуальной обстановке (особенно в похоронной обрядности) правое и левое могли меняться местами. Дело в том, что, судя по археологическим и этнографическим данным, иной мир (мир мертвых, мир духов) у самых разных народов мыслился как мир “наоборот”». Представления о переверну-

тости иного мира, видимо, были универсальными. Правому в мире людей соответствовало левое в ином мире. Отсюда повсеместно распространенная инакость действий, связей и отношений в погребальных обрядах (то есть в ситуации непосредственного контакта с иным миром)» [Байбурин, Топорков 1990, с. 30–31]. В культуре черкесов (адыгов) символика левого как «иномирного», «негативного» актуальна как в контексте танатологических практик, так и в повседневном быту. Аналогичным значением наделяется любое действие тыльной стороны запястья – *ІэцІыб(кІэ)*: оно табуировано как символизирующее траур, как маркер горевестника или других исполнителей различных похоронных функций.

Мемораты и рефлексивы об отмене этого обычая упоминают ее инициатора – некоего «рыжего арабского эфенди» (*арэп Хъуэжэ Плъыжъ*), работавшего в Узун-Яйле по направлению властей в 1960–1980-х гг. Как утверждают наши информанты, под неустанным давлением его проповедей обычай был искоренен как противоречащий канонам ислама: «ХъэтІокъущыкъуей “арэп хъуэжэ” гуэр дэсас, ар яІэтыжынымкІэ сэбэп хъуауэс сэ зэрысщІэр. “Мы Іуэхугъуэр муслъымэныгъэм къэкІуІым” жиІэурэ куэдрэ яужь итас, жаІэ». В переводе: «В <селе> Хатокшукой жил некий “арабский ходжа”, насколько я знаю, он способствовал отказу от этого обычая. Говоря “это дело не соответствует исламу”, долго настаивал, говорят» (ЭК).

Противники отмены обычая поднятия левой руки воспринимают его как «привезенный с родины предков», завещанный Жабаги Казанокко, а потому – священный. В целом умение высказаться, не употребляя слов, молча, одними знаками или иносказательно, понимается носителями исследуемой локальной традиции как особое, утрачиваемое ныне знание, отличающее черкесов (адыгов) от окружающих народов. Зашифрованными посланиями (*хъуэрыбзэ*) и традиционным аллегорическим стилем речи (*щІаггыбзэ*) пользовались мастера слова, к которым обращались непосвященные при необходимости адекватного ответа на подобное послание:

ХъуэрыбзэкІэ Іэзэу дэсахэр... Пэлгъэрокъуэхэ я нанэр – Сафиназ, Къушхэхэ я нанэр, Дзыдзэ жытІэт. ЕупщІэхэти абы къажриІэт, я жэуапыр мыр жефІэж жиІэти яхузэригъэпэщырт. «Дзыдзэ феупщІэ жаІэт. <...> Хъуэрыбзэ фІэкІа нэгъуэщІ жамайэу щытауэ жаІэт. Бойну хъуэрыбзэкІэ фІэкІа мыпсалъэт. Нэхъри дэ ди щхэхэм, ахэм хъуэрыбзэ, жаІэт, къапсэлъыр псоми... (НКК)

Мастера хорыбзэ, жившие [в нашем селении] ... Палгароковых бабушка – Сафиназ, Кушховых бабушка – Дзидза мы ее называли. Спраши-

вали, и она им говорила, [должный] ответ, «вот так скажите» говорила и составляла для них <ответные послания>. Спросите у Дзидзы, говорили. <...> Рассказывали, что раньше общались только через хорыбзэ. Вот так, только через хорыбзэ общались. Те, что жили до нас (букв. «те, что выше нас». – М. П.), говорят, они все владели хорыбзэ (перевод наш. – М. П.).

Как часть традиционной культуры *хорыбзэ* и *шагыбзэ* описаны ранее в адыговедческой литературе [Мижаев 1973, с. 102–114; Бгажноков 1977; Унарокова 2012; Кудаета 2016, с. 176]. Подобные сложноструктурированные формы коммуникации и фольклорно-речевые тексты, утрачиваемые в ходе стремительного процесса языковой ассимиляции в диаспоре, отнесены в сознании носителей традиции к ушедшему «золотому веку» Узун-Яйлы, т. е. периоду, предшествующему началу урбанизации.

Возвращаясь к исследуемому ритуалу, отметим, что стратегии актуализации ритуала как «правильного» или «неправильного» в устных рассказах сводятся к явному или скрытому противопоставлению *хабзэ* («адыгских обычаев, привезенных с родины») и ислама. Так, например, в диалогах в ходе полевой записи или в интернет-обсуждениях встречаются реплики, аналогичные следующей: «арабский священнослужитель сделал все возможное, чтобы разрушить наши обычаи» (ДК). Вот что говорит по этому поводу один из известных узун-яйлинцев, собиратель фольклора и популяризатор традиционной культуры Доган Кушха:

1976 гъэм нэсыху 1э 1этын хабзэр Узун-Яйлэ шагъээзэщ1ащ. <...> А хабзэр ягъээзэщ1эн щхъэк1э хаха ик1ий зыгъээзэщ1а ди нэхъыжьхэм щыцу Тохъу Хъэжумар, Думэныщ Мэжид, Ягъэн Мэмэтбей, Къуэший Нэхил, Гъук1эщокъуэ Зубер я ц1эхэр зыльэгъуахэм къа1уэтэжащ. Адыгэ хабзэр къызыгурымы1уэ пэмыщ1 лъэпкъхэм щыщ ефэндыхэмрэ ахэм ядежъу ефэнды нэпц1хэмрэ я зэранк1э мы ди хабзэ дахэр ямыгъээзэщ1эж хъуащ. Ауэ 1976 гъэм дунейм ехыжыху Гъук1эщокъуэ Зубер дэтхэнэ дыуэщ1ым хэтамик1 1э 1эт хабзэр щигъээзэщ1ащ (ДК).

Обычай поднятия руки соблюдали в Узун-Яйле до 1976 г. Среди избранных для его исполнения старейшин были Хажумар Тох, Мажид Думаниш, Маметбей Яган, Нагиль Коший, Зубер Гучешоко, чьи имена называют очевидцы. По вине не понимающих адыгэ хабзэ эфенди из других народов и вторящих им лжеэфенди <из числа адыгов> этот наш красивый ритуал перестали исполнять. Но до 1976 г., до самой смерти Зубер Гучешоко исполнял его, на каких бы похоронах он ни оказался (перевод наш. – М. П.).

Как видим, наделение обычая поднятия левой руки определениями «наш», «свой», «исконный» в абстрактном контексте этнокультурной идентичности является на самом деле лишь одной стороной вопроса. Несмотря на то, что основным инициатором отказа от этого ритуала, его запрета называют священнослужителя иноэтничного происхождения (что подчеркивается в самом имени, которое узун-яйлинцы дали ему, – Рыжий, букв. «красный» арабский эфенди), надо думать, что сам он, без поддержки в целом духовенства общины этого сделать не смог бы. И многие наши информанты понимают факт отмены обычая поднятия левой руки, собственно, как победу власти исламского духовенства над властью местной черкесской аристократии. В связанных опосредованно с этой темой меморатах мы можем встретить суждения о том, что новое духовенство попраало законы адыгэ хабзэ, поставив молодых и «безродных» священнослужителей выше старейшин из аристократических фамилий. Например, это выражается в изменении принципов структурирования пространства, когда почетное место начинают занимать «те, кому не положено», или когда старшим в группе людей, отправляющихся с какой-либо общественной миссией, назначается не тот, кому она должна быть поручена по хабзэ. Попутно нужно отметить, что наряду с давлением по поводу обычая поднятия левой руки в этот же самый период в черкесской диаспоре предпринимаются попытки искоренения других ритуальных и, в частности, танцевально-игрищных явлений как несоответствующих нормам ислама.

Отдельные реплики и «разовые» высказывания, которые в ходе экспедиционных записей произносили наши информанты или присутствующие на записи третьи лица, детализируют контекст стереотипных нарративов. Так, во время экспедиции 2014 г. очередной сеанс записи превратился, как это часто бывает, в полилог, в ходе которого присутствующие поясняли слова рассказчика и/или возражали ему следующим образом:

M1 (1932): Арабский ходжа жил в Старом Хатокшукое.

Соб.: Кто-либо из Старого Хатокшукоя или из других селений ему смог возразить?

M1: Никто не возражал.

M2 (1968): Он был ходжа, большой эфенди, поэтому...

M3 (1928): Возражали, возражали!

Соб.: Кто же?

M3: – Некто эфенди Жамбот Шортан из селения Шешен Жамботей присутствовал на <одних> похоронах, я там был. «Прекратите это поднятие руки, этого нет ни в Коране, ни в священных книгах», – когда он сказал, этот Жамбот Шортан из Шешен Жамботея хорошо

отругал его на арабском языке. Мы не поняли, что он ему сказал. Затем по-черкесски: «Эту свою трость (в ориг. ‘бастон’) затолкаю тебе в глотку!» – сказал. <...> Позже уже не было тех, кто умел поднимать <руку>, не осталось. Шигебахой, называем мы, одно селение... Туда еще <как-то> прибыл на похороны этот Арабский ходжа... «Где он, – говорит, – у вас один обычай есть, – говорит, – вперед подвинуться – назад попытаться? Что-то вы там делаете... Исполняйте этот свой обычай!» – сказал.

Соб.: В насмешку?

МЗ: Да, в насмешку. И не осталось ведь тех, кто умел поднимать <руку>, те старшие ушли. Из-за того, что не оставалось тех, кто мог бы поднимать <руку>, так и оставили <обычай> (ХЖ; перевод наш. – М. П.).

Однако все же, как оказалось, в течение последующих лет – и в 1990-е, и в 2000-е гг. – ритуал поднятия левой руки периодически «всплывал» в Узун-Яйле. И воспоминания об этих случаях содержат, как правило, мотив, которым отмечены мемораты о Рыжем арабском эфенди: во время похорон некто из старейшин, «отодвигая» на второй план священнослужителей, берет инициативу в свои руки и исполняет ритуал (ХА).

Неожиданная идея по «возрождению» обычая поднятия левой руки была инициирована весной 2020 г., во время начала пандемии коронавируса. Видео, которое было снято немного ранее, осенью 2019 г., в Анкаре на похоронах узун-яйлинского старейшины Сами Шигалуго (Sami Kadioğlu)⁶, циркулируя в сети, послужило визуальным катализатором для интернет-сообщества, в частности, для пользователей социальных сетей, живущих на исторической родине, в республиках Северного Кавказа. Формальные объяснения (в том числе в региональной газете и на популярных сайтах) причин целесообразности возвращения к этому ритуалу в соответствии с традиционными предписаниями отрицают принятые сегодня в танатологических практиках массовые рукопожатия, объятия и групповые устные соболезнования, они отмечены теми же общими местами и формулами, которые характерны для фольклорных нарративов (в тексте выделено):

Обычай этот происходит из очень древнего ритуала, когда *при скорби все делалось через левую руку* – нарочито неправильно. Горь-

⁶ См. фрагмент видеоролика похорон узун-яйлинского старейшины Сами Шигалуго (Sami Kadioğlu) с обычаем поднятия левой руки в Анкаре осенью 2019 г. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=cdVByhnxOKM> (дата обращения 17 июня 2022).

вестник (*щыхъэк1уэ шу*), посланный оповещать о смерти человека, при выполнении своей скорбной миссии садится на коня и *спешивается с «неправильной» правой стороны*. Сидя на коне, он здоровается, *поднимая «неправильную» левую руку*. Плеть у него в левой руке, а поводья в правой – что в *обычной ситуации бывает строго наоборот*. Это знак для встречающих, что человек едет с особой миссией. Думается, что здесь как раз такой случай, когда сама жизнь возродила старый и красивый обычай, никак не противоречащий ни современности, ни религии⁷.

Заметка, из которой приведена настоящая выдержка, была опубликована в одной из региональных газет и была приурочена к похоронам известного человека. В ней также подчеркивается, что «эпидемия коронавируса и необходимость соблюдать социальное дистанцирование актуализировали некоторые старые черкесские обычаи».

В условиях весны 2020 г. важным оказалось то, что, согласно традиционному канону, описываемому диаспорными нарративами, все должно происходить бесконтактно, бессловесно и сдержанно. В преддверии 21 мая, Дня памяти жертв Кавказской войны⁸, в Сети стали появляться фото пользователей с поднятой левой рукой и, соответственно, развернулась полемика относительно уместности подобных ритуальных действий и вообще «точности» их исполнения. Под фотопубликациями участники обсуждения задавались вопросами, насколько высоко поднимать руку, каков должен быть разворот кисти вовне, насколько открытой должна быть ладонь, могут ли во флешмобе участвовать женщины и дети (старый обычай исполняют исключительно мужчины) и др.

Полемизируя в соцсетях на тему возможных форм возвращения обычая в современную практику, комментаторы связывают свои суждения с культурным контекстом и исторической памятью:

Ды1ухъэмэ даук1, ды1ук1мэ даубыр» си нэгү кьыш1[э]хьащ... Ауэ сытми ди гуауэр, ди япэ ищахэр зэрытщымгъупщэжар, ди щ1ыхьыр

⁷ *Бешто А.* Возрождение старого обычая // Адыгэ Хэку. 2020. 9 мая. URL: <https://aheku.net/news/society/vozrozhdenie-starogo-obyichaya> (дата обращения 17 июня 2022).

⁸ Дата окончания Кавказской войны (21 мая 1864 г.) ежегодно отмечается черкесской общественностью во всем мире массовыми шествиями и траурными мероприятиями, день 21 мая объявлен в КБР и КЧР нерабочим. В 2020 г. в связи с пандемией коронавируса по инициативе Международной черкесской ассоциации (МЧА) День памяти адыгов проводился в дистанционном формате.

соцмедиами, «Псэ жыгым» деж дыщы1ухъэми зэрыдгъэлъэгъуэфын адыгэжъ щ1ык1эщ (УУ).

Мне вспомнилась <пословица>: «Подойдем <к линии сражения> – убьют нас, отойдем – хулят нас». Этот <жест> есть староадыгский способ показать – будь то в соцмедиа, будь то у «Древа жизни»⁹, – что наша боль, наши ушедшие вперед <предки>, наша честь просто так не преданы забвению.

В ходе флешмоба обнаружили оригинальные этнографические детали обсуждаемого явления. Например, на одном из видеороликов мужчина преклонного возраста, рассказывая о том, как исполнялся обычай, употребил локальный (провинция Сивас, Турция) термин обозначения ритуала – *nIpegy*¹⁰.

Явные сторонники возвращения ритуала поднятия левой руки трактуют его как «свой», «исконно-адыгский» и «незаслуженно забытый». Для носителей же скрытого дискурса это продолжение затянувшегося на десятилетия латентного диалога между секулярно мыслящей и религиозно настроенной частями диаспорного сообщества. Поскольку диалоги о «правильности» или «неправильности» ритуала поднятия левой руки в контексте обычных похоронных практик актуальны для отдельно взятой локальной диаспорной традиции, та часть интернет-сообщества, которая представляет метрополию (историческую территорию) не совсем посвящена в тонкости этого дискурса. Но для метрополии идея возвращения к ритуалу оказалась очень привлекательной: в условиях запрета на публичные мероприятия необходимо было найти приемлемый способ проявления идеи памяти и скорби в такой форме, чтобы она была одновременно массовой, дистанционной, высокосимволичной и, что также важно для участников акции, связанной с контекстом традиции.

Таким образом, сопоставляя различные типологические разновидности стереотипных текстов – от классического фольклора (преданий, сказаний) до интернет-публикаций и комментариев, мы можем увидеть, что понимание символического смысла ритуала поднятия левой руки как «правильного» или «неправильного»,

⁹ «Древо жизни» – скульптура в Атажукинском парке г. Нальчика (автор А. Гучапшев), памятник жертвам Кавказской войны, возле которого проходят массовые мероприятия.

¹⁰ Термин *nI(y)pegy* (вар.: *бырекIy*), фиксируемый нормативными словарями, сохранился лишь в детской речи как междометие, соответствующее рус. «чур!» («не считается», «вне игры»). Этимологию установить не удалось.

«своего» или «чужого», актуального или анахронического обусловлено поисками идентичностей: социально-классовой, конфессиональной, этнокультурной. Вернакулярные танатологические практики, «прочитываемые» самими носителями локальной традиции в разных контекстах, а иногда с подтекстом, не всегда «прозрачны» для непосвященных (жителей других диаспорных анклавов и метрополии). Но их функциональность остается неизменно высокой: в разные периоды времени они были и остаются наиболее чутким индикатором, реагирующим на общественные настроения и динамику традиции.

Список информантов

- АШ – Алий Шоген, м., 1926 г. р., род. в с. Шигебахой, р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Анкаре М.М. Паштовой, 30.08.2009.
- ДК – Доган Кушха, м., 1956 г. р., род. в с. Кархалак, р-н Узун-Яйла. Зап. М.М. Паштовой, Интернет, 19.05.2021.
- МС – Махпара Сасык, 1945 г. р., с. Сасыкхабле, р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Кайсери М.М. Паштовой, М.А. Табишевым, Х. Юкселем, 2009.
- МЧ – Мустафа Чермит (Цурмыт), м., 1949 г. р., род. в с. Кушчу, р-н Узун-Яйла. Зап. в г. Майкоп М.М. Паштовой, 2010.
- НKK – Нармия Кушбоко-Курман, ж., 1939 г. р., род. в с. Кархалак, р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Кайсери М.М. Паштовой, 09.08.2014.
- РТ – Раджеб Тлостан, м., 1934 г. р., род. в с. Мударей, р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Кайсери М.М. Паштовой, 18.08.2009.
- УУ – Умар Уотей, м., 1971 г. р., род. в с. Старый Хатокшукой, р-н Узун-Яйла. Зап. М.М. Паштовой, Интернет, 20.05.2020.
- ХА – Ханафи Ахмет, м., 1967 г. р., род. в с. Жериштей, р-н Узун-Яйла. Зап. в г. Кайсери М.М. Паштовой, 2020.
- ХЖ – Хаджимуса Жигкех (Гошоко), м., 1928 г. р., род. в с. Сасыкхабле (Кархалак), р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Кайсери М.М. Паштовой, 22.08.2014.
- ХК – Хайдар Курашин, м., 1933 г. р., род. в с. Курашинхабле, р-н Узун-Яйла, черкесской кириллической грамотой не владеет. Зап. в г. Курашинхабле М.М. Паштовой, 17.08.2014.
- ЭК – Эрол Кереф, м., 1953 г. р., род. в с. Жаникой, р-н Узун-Яйла. Зап. М.М. Паштовой, Интернет, 24.05.2021.

Литература

- Байбурин, Топорков 1990 – Байбурин А.К., Топорков А.Л. У истоков этикета: Этнографические очерки. Л.: Наука, 1990. 165 с.
- Бгажноков 1977 – Бгажноков Б.Х. Тайные и групповые языки адыгов // Этнография народов Кабардино-Балкарии. Нальчик: Эльбрус, 1977. Вып. 1. С. 109–129.
- Джанашиа 2007 – Джанашиа С. Черкесские дневники. Тбилиси: Кавказский дом, 2007. 265 с.
- Кудаева 2016 – Кудаева З.Ж. Загадки в традиционной культуре адыгов // Научное обозрение: гуманитарные исследования. 2016. Вып. 3. С. 173–177.
- Мизаев 1973 – Мизаев М.И. Мифологическая и обрядовая поэзия адыгов. Черкесск: Карачаево-Черкесское отд-ние Ставроп. кн. изд-ва, 1973. 208 с.
- Седакова 2004 – Седакова О.А. Поэтика обряда: Погребальная обрядность восточных и южных славян. М.: Индрик, 2004. 320 с.
- Унарокова 2012 – Унарокова Р.Б. «Специальные языки» адыгов: лингво-фольклористический аспект // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. 2012. № 2. С. 248–252.

References

- Baiburin, A.K. and Toporkov, A.L. (1990), *U istokov etiketa. Etnograficheskie ocherki* [At the origins of etiquette. Ethnographic essays], Nauka, Leningrad, Russia.
- Bgazhnokov, B.Kh. (1977), “Secret and group languages of the Circassians”, *Etnografiya narodov Kabardino-Balkarii* [Ethnography of Kabardino-Balkaria peoples], El’brus, Nal’chik, USSR, vol. 1, pp. 109–129.
- Dzhanashia, S. (2007), *Cherkesskie dnevniki* [Circassian diaries], Kavkazskii dom, Tbilisi, Georgia.
- Kudaeva, Z.Zh. (2016), “Riddles in the Circassians traditional culture”, *Scientific Review: Humanities Research*, vol. 3, pp. 173–177.
- Mizhaev, M.I. (1973), *Mifologicheskaya i obryadovaya poeziya adygov* [Circassians mythological and ritual poetry], Karachaevo-Cherkesskoe otделение Stavropol'skogo knizhnogo izdatel'stva, Cherkessk, USSR.
- Sedakova, O.A. (2004), *Poetika obryada: Pogrebal'naya obryadnost' vostochnykh i yuzhnykh slavyan* [The poetics of rite. Funeral rituals of the Eastern and Southern Slavs], Indrik, Moscow, Russia.
- Unarokova, R.B. (2012), “ ‘Special languages’ of the Adyghe. A linguofolkloristic aspect”, *The Bulletin of the Adyghe State University, the series “Philology and the Arts”*, no. 2, pp. 248–252.

Информация об авторе

Мадина М. Паштова, кандидат филологических наук, Университет Эрджиес, Талас, Кайсери, Турция; 38280, Турция, Кайсери, Талас, ул. Ахмет Эль Бируни, д. 91; *mazako71@gmail.com*

Information about the author

Madina M. Pashtova, Cand. of Sci. (Philology), Erciyes University, Talas, Kayseri, Republic of Turkey; bld. 91, Ahmed Al-Biruni Str., Talas, Kayseri, Republic of Turkey, 38280; *mazako71@gmail.com*